

УДК 821.161.1:821.14'02.09

С. А. Шульц

К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИЯХ ГОМЕРОВСКОЙ «ОДИССЕИ» В «МЕРТВЫХ ДУШАХ» ГОГОЛЯ

Аннотация. Актуальность работы связана с необходимостью расширения горизонта понимания поэмы Гоголя. Целью работы является уточнение представлений об отношении Гоголя к Гомеру. Работа основывается на принципах герменевтики и исторической поэтики. Выстраивая в начале 1830-х гг. теорию «современного эпоса», В. Кюхельбекер не мог принять «переворачивание» – при определенном историальном продолжении – архаического эпоса, наблюдаемое им у Байрона и Пушкина. Однако Гоголь, декларируя в «Выбранных местах» необходимость следования Гомеру, не отбросит байроновский и пушкинский путь. Фигура Одиссея давно внесена в число возможных параллелей к образу Чичикова. Интроспекции в «Одиссее» меньше, чем в «Мертвых душах», где внутренний мир Чичикова нередко открывается читателю самим же героем. А. И. Зайцевым показано, что герои гомеровского эпоса совершают свои поступки не столько по велению богов, сколько по свободе воли. Данная дилемма: свобода воли или принуждение Бога – актуальна также для «Мертвых душ». В первом томе Гоголь напишет о «прирожденных» «страстях», незримо ведущих человека к истине. Тем самым признается водительство героев, какими бы те ни были, Богом. Однако в последующем Гоголь откажется от данной идеи из-за того, что она оправдывает в личности также негативное. В связи с дилеммой свободного выбора или некоего принуждения возникает ассоциация к птице-тройке как «модификации» гомеровских сирен из «Одиссеи» – полуптиц-полуженщин, зачаровывающих своим пением путников, вольных поддаться ему или нет. У Гоголя манифестируется в большей мере позднейшая трактовка «сладкоголосых мудрых сирен», создающих «своим пением величавую гармонию космоса». Переключки между «Одиссеей» и «Мертвыми душами» существуют на уровне конкретных образов (птица-тройка как модификация гомеровских сирен) и поэтики в целом (определенная родственность в жанровом плане), а также на уровне поднимаемых авторами общих проблем теологии и метафизики (вопрос о свободе воли или божественном принуждении).

Ключевые слова: Гомер, Гоголь, Одиссей, Чичиков, архаический эпос, «современный эпос», поэма, птица-тройка, сирены, свобода воли.

S. A. Shul'ys

To the question of the traditions of Homer's "Odyssey" in Gogol's "Dead souls"

Abstract. The relevance of the work is connected with the need to broaden the horizon of understanding the Gogol's poem. The aim of the work is to clarify the ideas about the attitude of Gogol to Homer. The work is based on the principles of hermeneutics and historical poetics. When developing the theory of the modern epic in the early 1830s, V. Kuchelbecker could not accept the overturning – with a certain historical continuation – of the archaic epos, observed by him from Byron and Pushkin. However, Gogol, declaring in *Selected Places* the necessity of following Homer, will not abandon Byron's and Pushkin's way. The figure of Odysseus has long been included in the number of possible parallels to Chichikov's image. Introspection in the "Odyssey" is less than in "Dead Souls", where Chichikov's inner world is often opened to the reader by the same hero. A. I. Zaitsev showed that the heroes of the Homeric epic do their actions not so much at the behest of the gods, as by free will. This

ШУЛЬЦ Сергей Анатольевич – д. филол. н., независимый исследователь, Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: s_shulz@mail.ru

SHUL'TS Sergei Anatolievich – Doctor of Philological Sciences, independent researcher, Rostov-on-Don, Russia.

E-mail: s_shulz@mail.ru

dilemma – free will or coercion of God – is also relevant for “Dead Souls”. In the first volume Gogol writes about “born” “passions”, invisibly leading people to the truth. Thus, the leadership of heroes, whatever they were, is recognized by God. However, subsequently, Gogol rejects this idea because it justifies the negative in the person. In connection with the dilemma of free choice or some kind of coercion, there is an association to the bird-troika as a “modification” of Homeric sirens from “Odyssey” – semi-flitches-half-women, enchanting with their singing of travelers, free to give in to him or not. In Gogol’s work, the later interpretation of the “sweet-haired wise sirens” is manifested, creating “the great harmony of the cosmos with his singing.” The roll-calls between “Odyssey” and “Dead Souls” exist at the level of concrete images (the bird-troika as a modification of the Homeric sirens) and poetics in general (a certain genre affinity), and also at the level of the general problems of theology and metaphysics raised by the authors (the question of freedom of will or divine coercion).

Keywords: Homer, Gogol, Odysseus, Chichikov, archaic epic, modern epic, poem, sirens, bird-troika, free will.

Введение

Среди образцов, которых Гоголь как автор «Мертвых душ» хотел бы быть достойным, он в разное время называл различные имена крупнейших представителей античности, Ренессанса, Просвещения, романтизма от Гомера и Ариосто до Сервантеса, Филдинга и Пушкина. Поэма была задумана в виде во многом итожащей многовековое художественное и духовное развитие России и европейского человечества в целом.

Хорошо известно, что еще К. С. Аксаков увидел в «Мертвых душах» воскрешение древнего эпоса, в частности, гомеровского: «<...> явления идут одни за другими, спокойно сменяя друг друга, объемлемые великим эпическим созерцанием, открывающим целый мир, спокойно предстающий со своим внутренним содержанием и единством, со своею тайною жизни <...> все, и муха, надоедающая Чичикову, и собаки, и дождь, и лошади от заседателя до чубарого, и даже брчка – все это, со своею тайною жизни, им постигнуто и перенесено в мир искусства <...>. Какой смысл получает теперь, после всего, нами сказанного, название поэмы, стоящее в заглавии книги! Да, это поэма, и это название вам доказывает, что автор понимает, что производил, понимал всю великость и важность своего дела» [1, с. 144].

Оспоривший позицию Аксакова доводами о гоголевской иронии, действительно чуждой Гомеру, В. Г. Белинский в ответной полемике уравнивал предмет с идеей предмета, совершая тем самым определенную подмену понятий [2, с. 56-62, 239-260]. Ведь ирония Гоголя направлена на непосредственно данное, на действительность, забывшую о своем первообразе, но не на сам первообраз, на «тайну жизни», присутствие которой в «Мертвых душах» почувствовал К. С. Аксаков. Восторг перед красотой и полнотой замысла о мире поглощает иронию по поводу его несовершенного воплощения людьми.

О Гоголе в связи с «Одиссеей» писали также С. И. Радциг, Н. В. Петрова, Е. Ю. Полтавец, С. А. Шульц, В. М. Гуминский и др., в основном оправдывая позицию К. С. Аксакова [3, 4, 5, 6, 7].

В конце XVIII в. Ф. Шиллер замечал, что появление «нового» Гомера невозможно, поскольку время «наивной поэзии» в целом прошло [8, с. 411-412]. Однако многие авторы предромантической, романтической и постромантической эпохи, задумываясь о «поэме» или «эпопее», так или иначе соотносили свои художественные поиски в т. ч. с Гомером.

К проблеме жанра «Мертвых душ» в связи с рецепцией Гоголем античного эпоса

Появлению «Мертвых душ» предшествовала дневниковая запись В. К. Кюхельбекера от 17 декабря 1831 г.: «Давно уже у меня бродит вопрос: возможна ли поэма эпическая, которая бы наши нравы, наши обычаи, наш образ жизни так передала потомству, как передал нам Гомер нравы, обычаи, образ жизни Троян и греков?» [9, с. 500].

«Попытками в этом роде» Кюхельбекер считает «Беппо», «Дон Жуана» Байрона и «Евгения Онегина», однако тут же объявляет их «попытками слабыми»: «не потому, что самые предметы Байрона и Пушкина малы и скудны (хотя и это дело не последнее), но главное, что они смотрят на европейский мир как судьи, как сатирики, как поэты-описатели; личность их нас беспрестанно разочаровывает – мы не можем обжиться с их героями, не можем забыть. <...> ювеналовские <...> выходки Байрона и Пушкина заставляют меня презирать и ненавидеть мир, ими изображаемый, а удивляться только тому, как они решились воспевать то, что им казалось

столь низким, столь ничтожным и грязным». Вывод В. К. Кюхельбекера: «Нет, Гомер нашего времени – если он только возможен – должен идти иною дорогою» [9, с. 500].

Кюхельбекер как «архаист» (Ю. Н. Тынянов) не может принять переворачивание – при определенном историальном продолжении – архаического эпоса, наблюдаемое им у Байрона и Пушкина. Однако Гоголь, декларируя в «Выбранных местах» необходимость следования Гомеру, не отбросит байроновский и пушкинский путь, сохраняя, вместе с тем императив следования поэта идеальной сущности жизни. Гоголевский императив К. С. Аксаков впоследствии уловил очень тонко.

Рис. 1. Чичиков у Коробочки.

Иллюстрация к «Мертвым душам» (Художник А. А. Агин, 1847-1848 гг.)

Рецепция образов «Одиссеи» в мире «Мертвых душ»

Ставя в «Выбранных местах» «Одиссею» гораздо выше «Илиады», Гоголь находил урок переведенной Жуковским «Одиссеи» в том, что «человеку везде, на всяком поприще, предстоит много бед, что нужно с ними бороться, – для того и жизнь дана человеку, – что ни в каком случае не следует унывать, как не унывал и Одиссей, который во всякую трудную и тяжелую минуту обращался к своему милому сердцу, не подозревая сам, что таковым внутренним обращением к самому себе он уже творил ту внутреннюю молитву Богу, которую в минуту бедствий совершает всякий человек, даже не имеющий никакого понятия о Боге» [10, с. 29].

Все же интроспекции в «Одиссее» меньше, чем в «Мертвых душах», где внутренний мир Чичикова нередко открывается читателю самим же героем (например, размышления о своей судьбе, мечты о богатстве, женитьбе, «чичонках» и т. д.). Фигура Одиссея уже довольно давно внесена в число возможных параллелей к образу Чичикова.

Это сближение согласуется с христианским контекстом «Мертвых душ»: в житийной литературе Гомер упоминается с уважением, в его уста вкладывали сентенции поучительного характера, кроме того, в русских церквах, по византийскому и древнеболгарскому образцу, кроме

икон появлялись также и изображения «еллинских мудрецов», в частности, Гомера (а в новгородских монастырях Гомер включен уже в самый иконостас) [11, с. 12-18].

В гомеровском Одиссее так же, как и в Чичикове, проступают черты мифологическо-эпического плута-трикстера, сказочного героя-обманщика. Превратившийся у Данте в Улисса Одиссей приобретает качества «человека Возрождения, первооткрывателя и путешественника. Образ этот и привлекает Данте цельностью и силой, и отталкивает моральным индифферентизмом» [12, с. 263]. Последние слова, с известными оговорками, допустимо отнести и к гоголевской оценке Чичикова, тем более, имея в виду роль Данте для Гоголя.

А. И. Зайцевым показано, что герои гомеровского эпоса совершают свои поступки не столько по велению богов, сколько по свободе воли: «Без ощущения свободы воли человека греки не могли бы представить себе и действующих по собственному произволу богов» [13, с. 141].

Данная дилемма: свобода воли или принуждение Бога – довольно актуальна также для «Мертвых душ». В первом томе Гоголь напишет о «прирожденных» (заложенных Богом) «страстях», незримо ведущих человека к истинному выбору. Тем самым признается водительство героев, какими бы они ни были, Богом. Однако в последующем Гоголь откажется от данной идеи из-за того, что тем самым в личности оправдывается и достойное, и негативное.

В связи с дилеммой свободного выбора или некоего принуждения возникает ассоциация к птице-тройке как модификации гомеровских сирен из «Одиссеи» – полуптиц-полуженщин, зачаровывающих своим пением путников, вольных поддаться ему или нет. Согласно А. Ф. Лосеву, сирены «воспринимались даже как музы иного мира – их изображали на надгробных памятниках. В классической античности дикие хтонические сирены превращаются в сладкоголосых мудрых сирен», создающих «своим пением величавую гармонию космоса» [14, с. 438]. У Гоголя манифестируется в большей мере позднейшая трактовка сирен.

Плутарх в одной из своих «Застольных бесед» пишет: «Не имеет разумного основания страх перед гомеровскими Сиренами, о которых говорит Платон в своем иносказании: здесь песенная сила Сирен знаменует <...> пробуждение в уходящих отсель и блуждающих после кончины душах любви к небесному и божественному и забвение смертного: очарованные пением, они радостно влекутся к нему и следуют за ним»; Платон «образно назвал Муз Сиренами как «вещающих» <...> божественное о царстве Аида» [15, с. 679].

Плутарховское свидетельство обнаруживает мистически-позитивную роль сирен (пробуждение в «уходящих отсель» душах «любви к небесному и божественному»), их близость к Музам, т. е. к искусству, что заметно расширяет смысловое наполнение образа гоголевской «птицы-тройки».

Заключение

Итак, переключки между «Одиссеей» и «Мертвыми душами» существуют как на уровне конкретных образов (птица-тройка в качестве «модификации» гомеровских сирен) и поэтики в целом (определенная родственность в жанровом плане), так и на уровне поднимаемых авторами общих проблем теологии и метафизики (дилемма о свободе воли или божественном принуждении).

Литература

1. Аксаков К. С. Несколько слов о поэме Гоголя: «Похождения Чичикова, или Мертвые души» // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. – М.: Современник, 1981. – С. 141-150.
2. Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-и т., Т. 5. – М.: Художественная литература, 1978. – 560 с.
3. Радциг С. И. Гоголь и Гомер // Вестник МГУ. – 1959, № 4. – С. 56-64.
4. Петрова Н. В. Традиции гомеровского эпоса в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Литература в школе. – 1998, № 3. – С. 22-30.
5. Полтавец Е. Ю. «Мертвые души» Н. В. Гоголя: опыт комментированного чтения // Литература в школе. – 1998, № 2. – С. 93-103; № 3. – С. 78-86; № 4. – С. 111-121.
6. Шульц С. А. Чичиков: Одиссей или Эней? (Об «эпическом» в «Мертвых душах») // Гоголевский сборник. – СПб.; Самара: Изд-во СГПУ, 2003. – С. 120-136.
7. Гуминский В. М. Гоголевские обращения к Гомеру // Творчество Гоголя и европейская культура. Пятнадцатые Гоголевские чтения. – М.; Новосибирск: Новосибирский изд. дом, 2016. – С. 18-27.

8. Шиллер Ф. О наивной и сентиментальной поэзии // Шиллер Ф. Собрание сочинений. В 7-и т., Т. 6. – М.: Гослитиздат, 1957. – С. 385-477.
9. Кюхельбекер В. К. Дневник 1831-1845. Фрагменты // Дельвиг А. А., Кюхельбекер В. К. Избранное. – М.: Правда, 1987. – С. 490-520.
10. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17-ти т. Т. 6. – М.; Киев: Изд-во Моск. Патриархии, 2009. – 744 с.
11. Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII-XIX вв. – М.; Л.: Наука, 1964. – 440 с.
12. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 458 с.
13. Зайцев А. И. Свобода воли и божественное руководство в гомеровском эпосе // Вестник древней истории. – 1987, № 3. – С. 140-145.
14. Лосев А. Ф. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т., 2-е изд. Т. 2. – М.: Советская энциклопедия, 1992. – 719 с.
15. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Трактаты. Диалоги. Изречения / пер. Я. Боровского. – М.: Пушкинская библиотека, 2004. – 958 с.

References

1. Aksakov K. S. Neskol'ko slov o pojeme Gogolja: «Pohozhdenija Chichikova, ili Mertvyje dushi» [Few words about poem by Gogol "Chichikov adventures or Dead souls"] // Aksakov K. S., Aksakov I. S. Literaturnaja kritika. – М.: Sovremennik, 1981. – S. 141-150.
2. Belinskij V. G. Sbranie sochinenij [Collected works]. V 9-I t., T. 5. – М.: Hudozhestvennaja iterature, 1978. – 560 s.
3. Radcig S. I. Gogol' I Gomer [Gogol and Homer] // Vestnik MGU. – 1959, № 4. – S. 56-64.
4. Petrova N. V. Tradicii gomerovskogo jeposa v pojeme N. V. Gogolja «Mertvyje dushi» [Traditions of Homer's epic in poem by N. V. Gogol "Dead souls"] // Literatura v shkole. – 1998, № 3. – S. 22-30.
5. Poltavec E. Ju. «Mertvyje dushi» N. V. Gogolja: opyt kommentirovannogo chtenija ["Dead souls" by N. V. Gogol: experience of annotated reading] // Literatura v shkole. – 1998, № 2. – S. 93-103; № 3. – S. 78-86; № 4. – S. 111-121.
6. Shul'c S. A. Chichikov: Odissej ili Jenej? (Ob «jepicheskom» v «Mertvyh dushah») [Chichikov: Odyssey or Aeneas? (About "epic" in "Dead souls")] // Gogolevskij sbornik. – SPb.; Samara: Izd-vo SGPU, 2003. – S. 120-136.
7. Guminskij V. M. Gogolevskie obrashhenija k Gomeru [Gogol's compellation to Homer] // Tvorchestvo Gogolja I evropejskaja kul'tura. Pjtnadcatye Gogolevskie chtenija. – М.; Novosibirsk: Novosibirskij izd. dom, 2016. – S. 18-27.
8. Shiller F. O naivnoj I sentimental'noj poezii [About naïve and sentimental poetry] // Shiller F. Sbranie sochinenij. V 7-I t., T. 6. – М.: Goslitizdat, 1957. – S. 385-477.
9. Kjuhel'beker V. K. Dnevnik 1831-1845. Fragmenty [Diary 1831-1845. Fragments] // Del'vig A. A., Kjuhel'beker V. K. Izbrannoe. – М.: Pravda, 1987. – S. 490-520.
10. Gogol' N. V. Polnoe sbranie sochinenij I pisem [Full collected works and letters]: v 17-ti t. T. 6. – М.; Kiev: Izd-vo Mosk. Patriarii, 2009. – 744 s.
11. Egunov A. N. Gomer v russkih perevodah XVIII-XIX vv. [Homer in Russian translation of XVIII-XIX centuries]. – М.; Л.: Nauka, 1964. – 440 s.
12. Lotman Ju. M. Vnutri mysljashhih mirov [Inside of thinking worlds]. – М.: Jazyki russkoj kul'tury, 1996. – 458 s.
13. Zajcev A. I. Svoboda voli I bozhestvennoe rukovodstvo v gomerovskom jepose [Free will and celestial leading in Homeric epic] // Vestnik drevnej istorii. – 1987, № 3. – S. 140-145.
14. Losev A. F. Mify narodov mira [World people's myths]. Jenciklopedija v 2-h t., 2-e izd. T. 2. – М.: Sovetskaja jenciklopedija, 1992. – 719 s.
15. Plutarh. Sravnitel'nye zhizneopisanija. Traktaty. Dialogi. Izrechenija [Plutarch's Lives. Tractates. Dialogues. Aphorisms] / per. Ja. Borovskogo. – М.: Pushkinskaja biblioteka, 2004. – 958 s.

